

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

91

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1962

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. М. МАССОН

ВОСТОЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ УБЕЙДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Когда более полувека назад научная общественность впервые получила возможность широко ознакомиться с культурой Анау, этой культуре были склонны приписывать некое исключительное значение прародины древнейших цивилизаций Ближнего Востока. Лишь с новыми археологическими открытиями в Месопотамии в 20-х годах XX в. начала постепенно намечаться подлинная роль раннеземледельческой культуры Южного Туркменистана в истории Древнего Востока. Однако сравнительно бедный и ограниченный материал, опубликованный экспедицией Р. Пампелли, затруднял исследование этого вопроса, и до настоящего времени, например, в западноевропейской и американской литературе отсутствует правильное представление о месте культуры типа Анау среди других культур этого круга. Полученный в ходе работ последних лет в Южном Туркменистане большой новый материал позволяет вновь поднять этот важный вопрос¹.

В настоящем сообщении будет рассмотрен лишь один из аспектов обширной проблемы — параллели, которые как будто можно наметить между раннеземледельческой культурой Южного Туркменистана, с одной стороны, и археологическим комплексом Месопотамии, получившим наименование Убейда или убейдской культуры, — с другой. Эти параллели отмечаются в Южном Туркменистане для двух различных, хотя и следующих друг за другом отрезков времени.

Первый период — раннего Намазга II, когда в Южном Туркменистане отчетливо выступает различие между материальной культурой западных (Анау, Кара-депе, Намазга-депе) и восточных (Илгынылы у Чаача, Геоксюрские поселения) памятников. В этот период на памятниках восточной группы распространена расписная керамика трех видов. Наиболее многочисленна местная посуда так называемого ялангачского типа с простым орнаментом из четырех полос вдоль венчика чаш и горшков или треугольных шевронов на корчагах. Сравнительно реже встречается посуда с прекрасной полихромной росписью, изготовлявшаяся обитателями западной группы поселений и, вероятно, оттуда попадавшая в Геоксюрский оазис. Третья группа представлена посудой с одноцветной, обычно темно-коричневой росписью по зеленовато-белому, иногда розоватому фону; среди форм — чаши, но особенно характерны высокие банковидные сосуды.

¹ Основная публикация нового материала дана в Трудах ЮТАКЭ, т. VII, 1956; т. X, 1961. См. также статьи В. М. Массона (СА, 1957, № 1; ВДИ, 1957, № 1, КСИИМК, вып. 73, 1959; Известия АН ТуркмССР, 1960, № 1 и 2), И. Н. Хлопина (Известия АН ТуркмССР, 1958, № 1; КСИИМК, вып. 76, 1959; СЭ, 1960, № 5), В. И. Сариниди (КСИИМК, вып. 76, 1959; СА, 1959, № 2 и 3). Краткая сводка этих работ см. М. Е. М а s s o n, V. M. M a s s o n. Archaeological cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age. Cahiers d'histoire mondiale, 1959, N 1.

Первоначально эта посуда была найдена в 5-м слое поселения Геоксюр 1², но теперь она обнаружена и на трех других поселениях Геоксюрского оазиса³, не оставляя сомнения в том, что перед нами — не случайное явление, а вполне определенная закономерность.

В. И. Сариниди, впервые столкнувшийся с этой керамикой, отметил, что она составляет особую группу. Действительно, по мотивам орнаментации и по композиции росписи она существенно отличается от посуды с полихромной росписью типа Намазга II. Особенно следует подчеркнуть специфический мотив — ряды ромбов, заполненных косой штриховкой. Не характерна для южнотуркменистанской керамики времени Намазга II, — будь то памятники западного или восточного районов, — и банковидная форма сосудов.

Между тем эта необычная для Южного Туркменистана группа расписной керамики находит аналогии в материалах памятников убейдской культуры (рис. 1). Так, на сосудах из убейдских слоев Гавры известен орнамент из ряда ромбов с косой штриховкой⁴. Здесь же мы видим сетку из равнобедренных треугольников, образованную перекрещиванием прямых и косых линий⁵. Особенно близка геоксюрской убейдская керамика Северной Сирии, где орнамент из рядов ромбов с косой штриховкой нанесен на сосуды, форма которых также сходна с геоксюрской⁶. Следует отметить, что этот мотив (ряды ромбов) распространен и на посуде южноубейдских памятников⁷, заполнение же ромбов косой штриховкой отмечено лишь в Северном Убейде (Гавра, Аму́к). Посуда с аналогичной росписью из комплекса Сялк II⁸ как бы образует связующее звено между североубейдскими памятниками и геоксюрской керамикой.

В тот же период раннего Намазга II и в том же Геоксюрском оазисе мы встречаем новые явления в области архитектуры, которые, так же как и роспись рассмотренной выше глиняной посуды, не связываются с местными традициями, — это возникновение круглых в плане строений. В пору Намазга I, как показали раскопки Яссы-депе у Каахка⁹ и Дашлыджи-депе (Геоксюр 8) в Геоксюрском оазисе¹⁰, такие строения не встречались на

² В. И. Сариниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 144.

³ Это Муллали-депе (Геоксюр 4), Ялангач-депе (Геоксюр 3) и Акча-депе (Геоксюр 2). См. В. И. Сариниди. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса. ДТММ, Ашхабад, 1962; И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе. Там же.

⁴ A. J. Tobler. Excavations at tepe Gawra, v. II, Philadelphia, 1950, табл. LXXI, 4, 9; 14 (слой Гавра XVIII); табл. LXXIV, b, 2 (слой Гавра XVII).

⁵ Там же, табл. LXX, a, 24 (слой Гавра XIX).

⁶ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the plain of Antioch I. The Earlier assemblages, phases A—J. Oriental Institute Publications, v. LXI, Chicago, 1960, стр. 192, рис. 149—170, 42 (фаза Аму́к E).

⁷ A. L. Perkins. Comparative archaeology of Early Mesopotamia. Studies in Ancient Oriental Civilization, N 25, Chicago, 1957, рис. 10, 13 (ромб со сплошной заливкой). Часто встречаются в росписи керамики Южного Убейда и ромбы, заполненные сеткой. См. L. Woolley. Ur excavations, v. IV. The Early periods. Philadelphia, 1955, табл. 50; A. Nöldeke. Vierter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen. Abhandlungen der Preussischen Academie der Wissenschaften, N 6, Berlin, 1932, табл. 18, A. Возможно, семантически ряд ромбов восходит к депочке бегущих птиц с ромбическим туловом. Черепок с изображением таких птиц был найден А. Стейном в Маламире (A. Stein. Old routes of Western Iran. London, 1940, табл. III, 16).

⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, Paris, 1938, табл. XLVIII, C, 5, 18; табл. XLIX, C, 9. Особенно близок геоксюрским венчик толстостенного сосуда, опубликованный Р. Гиршманом (табл. LI, C, 5). Отметим, что после полной публикации материалов Гавры вызывает сомнение синхронизация Д. Мак-Кауном Сялка II с Халафом (D. McCown. Comparative stratigraphy of Early Iran. Studies in Ancient Oriental Civilization, N 23, Chicago, 1942, табл. II). Видимо, по крайней мере, поздний Сялк II одновременно раннему Убейду Гавры.

⁹ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274—276.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.

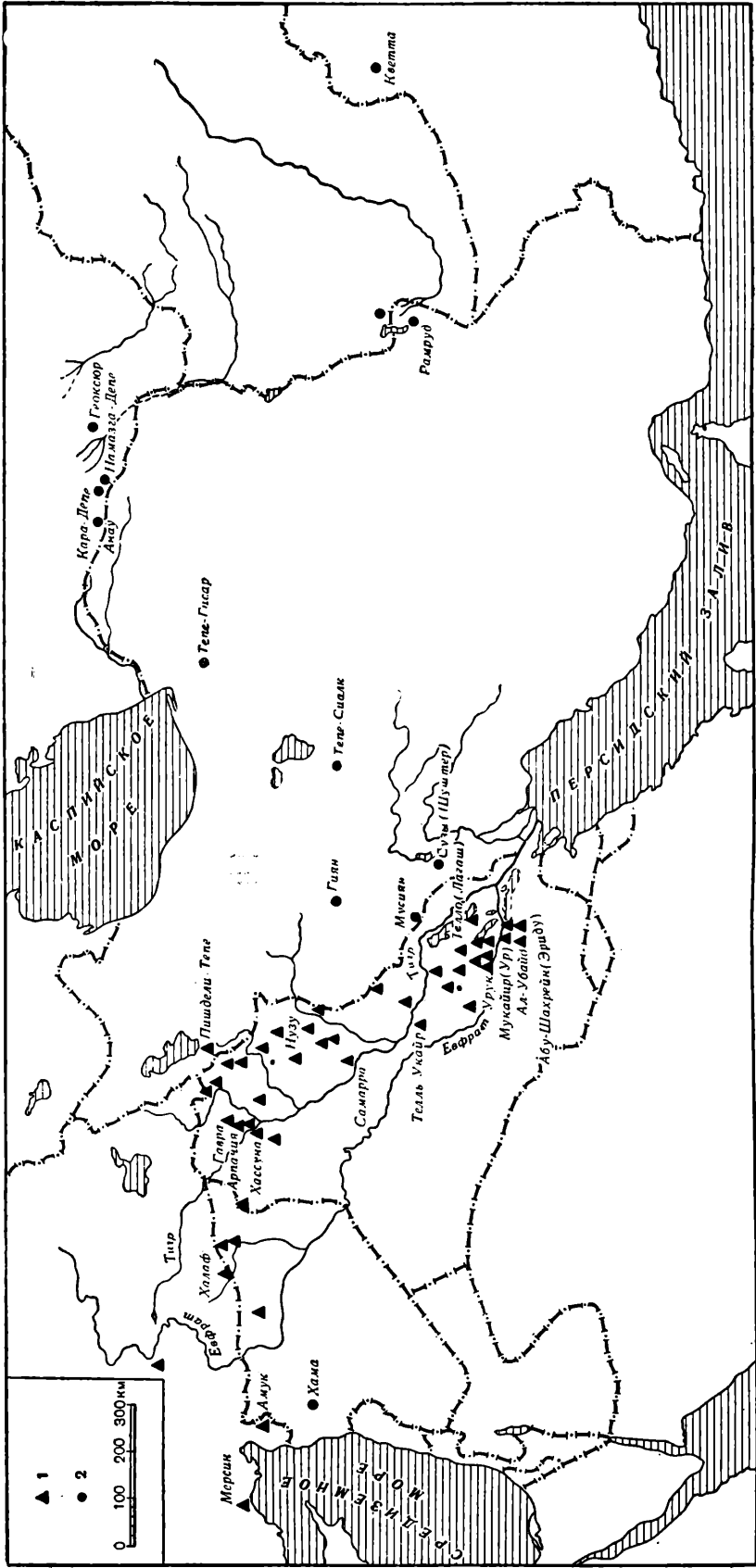

Рис. 1. Карта распространения памятников убейдской культуры.

1 — памятники убейдской культуры; 2 — прочие памятники.

поселениях ранних земледельцев Южного Туркменистана. Особенно показательны в этом отношении раскопки Дашлыджи-депе, где вскрыты три строительных горизонта, и ни в одном из них не оказалось круглых домов, которые появляются в Геоксюрском оазисе в период непосредственно после времени существования Дашлыджи-депе.

Круглые дома занимают различное положение на поселениях времени раннего Намазга II. Некоторые из них включены в периметр обводной стены, охватывавшей территорию небольших поселков. Внутренний диаметр домов — от 3,1 до 4,5 м. Характер культурного слоя и внутренние очаги заставляют предполагать, что перед нами — обычные жилые помещения. Четыре таких строения открыты на Ялангач-депе (Геоксюр 3) и пять — на Муллали-депе (Геоксюр 4)¹¹. Но вместе с тем и на Ялангач-депе, и на Муллали-депе среди прочих строений в черте ограды обнаружено по одному круглому дому. На Ялангач-депе дом (диаметром около 6 м) заполнен красной, обгорелой землей и кусками обожженного кирпича. Диаметр круглого дома на Муллали-депе — 4 м, стены его — толщиной около 1 м, внутри часть дома отделена стенкой из сырцового кирпича¹². Примечательно, что и на третьем раскапывавшемся поселении этого времени — Акча-депе (Геоксюр 2), где внешняя ограда, видимо, была иного устройства, чем на Ялангач-депе и Муллали-депе, в самом центре поселения также обнаружено круглое в плане строение, раскопки которого пока не завершены¹³. Если круглые дома, включенные в ограду поселений, можно рассматривать как жилые помещения, то в отношении круглых домов, расположенных внутри ограды в каждом случае по одному на поселение, а на Акча-депе даже в самом центре его, — можно предполагать, что они имели какое-то особое назначение.

Эти круглые дома находят прямые аналогии в материале Северного Убейда, где они восходят к еще более ранней домостроительной традиции. В раннеубейдской Гавре в слое XVII открыты два круглых дома — «южный толос» диаметром 4,25 м и «северный толос» диаметром 4,5 м. Стены этих строений тонкие — толщиной 0,3 м¹⁴. Проход, ведущий в «северный толос», фланкирован двумя небольшими стенками. Хотя в самих толосах не найдены материалы, свидетельствовавшие о назначении строений, их положение в определенной части поселения весьма примечательно. Здесь в более древних XVIII и XIX слоях находились прямоугольные святилища с целой стандартной для Месопотамии плана, который известен и в Эриду, и в целом ряде других поселений. Как полагают исследователи, этот участок Гавры традиционно был местом религиозных построек. Если это так, можно со значительными основаниями предположить особую функциональную роль круглых домов XVII слоя, где они расположены, как и круглые дома геоксюрских поселений, рядом с обычными жилыми прямоугольными помещениями¹⁵. Существенно, что на этом же участке Гавры вскрыт еще один слой (XX), относящийся уже не к Убейду, а к позднему Халафу. Место святилищ XVIII и XIX слоев здесь занимал круглый дом диаметром около 5,25 м¹⁶. Это служит, помимо прочего, ярким примером халафских традиций Северного Убейда. Из построек халафской культуры лучше всего известны круглые дома или толосы, открытые при раскопках Арпачи.

¹¹ И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе...

¹² Там же.

¹³ В. И. Сараниди. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса... Кроме того, в 1960 г. при разведочных раскопках на поселении Геоксюр 7, относящемся также ко времени раннего Намазга II, было открыто круглое строение, но его место в общей планировке поселка до продолжения раскопок остается неясным.

¹⁴ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 42, 43; табл. XVIII, табл. XLII, b.

¹⁵ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 43; A. L. Perkins. Указ. соч. стр. 66.

¹⁶ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 47, табл. XLV.

Всего на Арпачие расчищены 10 толосов, причем шесть из них находились на главном холме поселения, занимая, особенно в последний период, центральное место на памятнике. Два толоса (диаметр — 5,5 и 5,6 м) открыты в десятом слое, один (диаметр — 5,5 м) — в девятом слое, один (диаметр — 6,5 м) — в восьмом слое и два толоса такой же величины — в седьмом, причем один из последних построен над остатками более раннего аналогичного сооружения. Четыре толоса открыты в окрестностях главного холма, где они также относятся к разным слоям. У более поздних строений (восьмого и седьмого слоев) есть длинная прямоугольная комната, служащая в качестве преддверия¹⁷.

Так же как и в круглых домах Гавры, в толосах Арпачии не найдено каких-либо изделий, свидетельствующих об их функциональном назначении, но большинство исследователей полагает, что перед нами, вероятнее всего, — остатки каких-то святилищ или построек культового характера¹⁸. Особенно важно, что толосы Арпачии занимали центральное положение на поселении. Приводившиеся выше данные стратиграфии Гавры тоже как будто свидетельствовали в пользу подобного заключения. А. Л. Перкинс не без оснований полагает, что «горны» Кархемиша, по плану и размерам весьма близкие толосам Арпачии, можно считать сооружениями аналогичного характера¹⁹.

Однако возведение круглых домов имеет в Северной Месопотамии еще более глубокие, дохалафские традиции. В Хассуне в одном из нижних слоев (слой 1с) открыто овальное в плане строение диаметром до 5,5 м. Внутри от внешней стены отходят небольшие отрезки стен (как в толосах Гавры). Ф. Сафар отмечает, что по характеру культурного слоя это явно жилое строение²⁰.

Для глинобитной, а тем более сырцово-архитектуры возведение строений, округлых в плане, — явление необычное. Более соответствуют возможностям строительного материала (прямоугольный сырцовый кирпич) постройки прямоугольных очертаний. Они составляют основную массу домов и в Хассуне, и в Гавре, и на поселениях Геоксюрского оазиса. Следует полагать, что сам тип круглого дома восходит к более ранним, «досырцовым» постройкам, к овальной в плане землянке. В древнейшем Иерихоне, т. е. в «дохассунский» период, мы видим сырцовые дома, сначала овальные в плане, и лишь позднее они сменяются прямоугольными²¹. Можно допустить, что если первоначально овальные глинобитные дома сосуществовали с прямоугольными (Хассуна?), то позднее круглая планировка сохранилась лишь для тех построек, где она стала своеобразной священной традицией (Халаф, ранний Убейд). Можно напомнить, что аналогичное явление отмечено у индейцев пуэбло, у которых, наряду с прямоугольными домами из сырца, было круглое полуподземное святилище — кива, чей план восходит еще к древнейшим землянкам. Нельзя ли видеть в толосах Арпачии и Гавры аналогичные святилища, принадлежавшие или родовому, или

¹⁷ M. E. Mallivan, J. C. Rose. Prehistoric Assiria. The excavations at Tall Arpachyah, 1933. London, 1935, стр. 25—32.

¹⁸ M. E. Mallivan, J. C. Rose. Указ. соч., стр. 32; A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 39, 40; A. Parrot. Archéologie mesopotamienne. Technique et problèmes. Paris, 1953, стр. 155. Г. Чайлд писал, что можно теоретически предположить использование толосов Арпачии в качестве кладовых или амбаров (см. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 177). Странно, однако, что из всех построек амбары делались наиболее фундаментально (на фундаменте из бутового камня), занимали центр поселения, и что в каждом из слоев было лишь по одному или по два таких «амбара».

¹⁹ A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 41.

²⁰ S. Lloyd, F. Safer. Tell Hassuna. JNES, 1945, N 4, стр. 272; рис. 28.

²¹ К. Келуон. Earliest Jericho. «Antiquity», 1959, N 129, стр. 5, 6. Сейчас установлено, что круглые дома Иерихона восходят к овальным жилищам натуйфского периода. См. J. Perrot. Excavations at Eynan (Ein Mallaha). Israel Exploitation Journal, 1960, v. 10, N 1, стр. 22.

большесемейному коллективу? Последнее могло бы объяснить, почему иногда в одном слое встречается несколько подобных строений.

Как же в свете подобных сопоставлений следует рассматривать круглые дома Геокюрского оазиса? Местная архитектурная традиция для них неизвестна. С другой стороны, аналогичные постройки в Северной Месопотамии известны, начиная с Хассуны и кончая ранним Убейдом. Естественно считать, что появление этих специфических строений в Южном Туркменистане — результат иностранных, точнее, — северомесопотамских, влияний. Круглые дома внутри поселения, встреченные по одному на Ялангач-депе, Муллали-депе и Акча-депе, вероятнее всего, как и их северомесопотамские двойники, были сооружениями особого назначения. Однако этот тип построек использован геокюрцами значительно шире — их включали в периметр обводной стены, где они, оставаясь жилыми, могли играть роль примитивных башен²². С этой точки зрения, круглое строение было надежнее традиционной для Геокюрского оазиса прямоугольной постройки, углы которой можно легко разрушить.

Время раннего Намазга II, к которому относятся отмеченные выше аналогии, может быть определено ориентировочно как середина IV тысячелетия до н. э., поскольку смена комплексов позднего Намазга II комплексом раннего Намазга III датирована радиоуглеродным анализом 2750 (± 220) г. до н. э. Южный Убейд в наиболее ранних слоях Урука датирован 4015 (± 160) г. до н. э.²³, в то время как Северный Убейд отнесен к 3446 (± 325) г. до н. э.²⁴ Таким образом, определяется и известная хронологическая обоснованность предлагавшихся выше сопоставлений.

Второй период в истории Южного Туркменистана, когда намечаются известные параллели с убейдской культурой, приходится на время позднего Намазга II — раннего Намазга III, т. е. в хронологическом отношении на конец IV — начало III тысячелетий до н. э. В этот период на западной группе поселений распространяется керамика с изображением барсов, козлов и других животных и птиц, а на восточных поселениях, в том числе и в Геокюрском оазисе, повсеместно входит в употребление посуда так называемого геокюрского стиля с двухцветной росписью и преобладанием среди узоров фигур крестов, полукрестов и пилообразных линий. Для нашей темы особо интересна терракотовая скульптура, образцы которой известны по раскопкам Геокюра и Кара-депе²⁵.

В пору раннего Намазга II в Геокюрском оазисе были распространены фигурки женщин, сидящих с вытянутыми ногами; плечи и руки обычно не изображались, центральное место в верхней части торса занимали массивные груди. Прекрасным образцом таких фигурок служит статуэтка с Ялангач-депе. В период позднего Намазга II — раннего Намазга III поза статуэток остается той же, но теперь изображаются фигурки с широкими прямоугольными плечами и опущенными вниз короткими отрезками рук. На плечах и на спине часто бывают многочисленные овальные налепы. Типична в этом отношении одна из кара-депинских статуэток. Подобные налепы встречаются и на торсах фигурок из Геокюрского оазиса. Особенно интересна одна из них с изображением у груди человеческой фигурки, видимо, — младенца.

Эти иконографические «новшества» найдут известное объяснение, если мы обратимся к коропластике убейдской культуры.

²² И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе...

²³ К. О. Münnich. Heidelberg natural radiocarbon measurements. «Science», CXXXVI, 1957, стр. 198.

²⁴ W. F. Libby. Radiocarbon dating. Chicago, 1955, стр. 82, 83. Эта дата относится к Гавре XVIII или XVII, т. е. определяет ранний Убейд севера.

²⁵ В. И. Сариянди. Энеолитическое поселение Геокюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961; В. М. Массев. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.). Там же.

Таковы прежде всего хорошо известные убейдские фигурки из Ура²⁶. Мы находим у них утрированно прямоугольные плечи и овальные налелы на плечах; встречено здесь и изображение кормящей матери. Иногда налелы на плечах заменялись точками, сделанными краской. Находки в Ал-Убейде²⁷, Уруке²⁸, Телло²⁹ показывают, что статуэтки Ура типичны для Южного Убейда.

Нельзя не отметить и существенных различий в мелкой скульптуре Убейда и Южного Туркменистана. Фигурки Убейда — стоящие, в то время как фигурки из Геоксюра и Кара-депе изображены сидящими, с вытянутыми вперед ногами (старая местная традиция!). Руки на убейдских скульптурах сложены под грудью, а на южнотуркменистанских мы видим лишь короткие обрубки, опущенные вниз. Все эти обстоятельства позволяют считать, что при сохранении местных традиций в трактовке женского божества южнотуркменистанские скульпторы испытали иконографическое влияние Убейда. Это сказалось и в подквадратных формах плеч, ранее здесь так не изображавшихся, и в возникновении на торсах точечных налелов, и, возможно, в появлении фигурок «кормящей матери». Следует подчеркнуть, что речь должна идти о влиянии лишь со стороны южного варианта убейдской культуры — памятников, распространенных в Южной Месопотамии на территории исторического Шумера. В Северном Убейде изображения иные: женщины с полными, отвисшими грудями, сидящие с согнутыми в коленях ногами — образ, сложившийся еще в пору существования халафской культуры³⁰.

Однако аналогии с материалами убейдской культуры не ограничиваются одними женскими статуэтками. На Кара-депе в слоях раннего Намазга III обнаружено терракотовое изображение стоящего мужчины с тяжелыми подквадратными плечами, длинной узкой бородой, разделенной на две пряди, и цилиндрическим туловом, чуть расширяющимся к основанию. Аналогию этому изображению мы находим в терракотовой фигурке из убейдских слоев Урука³¹. Правда, она значительно стройнее приземистой скульптуры с Кара-депе, отсутствует коса на спине и борода была короткой, а не длинной, но в целом значительное сходство налицо. При этом нужно отметить следующую деталь. На статуэтке с Кара-депе у нижней части бороды заметен странный, на первый взгляд, косо идущий налел. На урукской фигурке краской изображена перевязь, идущая через левое плечо, что, кстати, весьма характерно для убейдской скульптуры Урука. В данном случае, как и на примере с женскими изображениями, перед нами — образец иконографического воздействия убейдских терракот. Более того, поскольку на Кара-депе известны фигурки мужчин, изображенных, видимо, в подражание женским фигуркам, в сидячей позе, с вытянутыми вперед ногами³², — возможно, и сам образец стоящего человека навеян южномесопотамскими прототипами.

Таковы некоторые археологические материалы, характеризующие, кажется, проникновение влияний убейдской культуры на территорию Южного Туркменистана. Влияния эти, как уже отмечалось, связаны с двумя хронологическими периодами. Первый из них, приходящийся на IV

²⁶ L. Woolley. Указ. соч., стр. 12, табл. 20.

²⁷ H. R. Hall, C. L. Woolley. Al-Ubaid. London, 1927, табл. XLVIII, 369, 405, 407.

²⁸ J. Jordan. Dritter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, N 2, Berlin, 1932, табл. 21.

²⁹ H. de Genouillac. Fouilles de Telloh I. Paris, 1934, табл. 12, 1, 4a, 6.

³⁰ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 162, табл. LXXXI и CLIII. Ср. халафские фигурки: M. von Oppenheim. Tell Halaf. Bd. I, Berlin, 1943, стр. 99—101, табл. CV; M. E. Mallowan, J. C. Rose. Указ. соч., стр. 81, 82, рис. 45.

³¹ J. Jordan. Указ. соч., табл. 21 («Männliche Tonfiguren»).

³² В. М. Массон. Кара-депе у Артыка..., табл. XIII, 11—14. Эти фигурки появляются в слоях позднего Намазга II и быстро схематизируются.

тысячелетие до н. э., отражает уже отмеченное в ближневосточной археологии сильное воздействие со стороны Убейда на культуру многих племенных групп.

Подлинной родиной убейдской культуры, несомненно, была Южная Месопотамия, позднейший Шумер. Здесь, в Эриду, открыты наиболее ранние комплексы Убейда³³, отражающие начало колонизации оседлыми земледельцами плодородных земель в низовьях Тигра и Евфрата. Это начало, видимо, относится еще ко второй половине V тысячелетия до н. э., когда в Северной Месопотамии складывалась устойчивая племенная общность, представленная в археологических материалах халафской культурой. По целому ряду признаков (тип расписной керамики, обряд погребения, мелкая скульптура) можно заключить, что эти пионеры освоения Южного Двуречья были выходцами из Юго-Западного Ирана, принадлежа к той же культурной общности, что и племена, оставившие культуру древнейших Суз (Сузы А) в Хузистане и Тали-Бакуна в Фарсе³⁴.

Вскоре земледельческие общины Южного Двуречья, видимо, благодаря развитию ирригационного земледелия и высокой урожайности полей, достигают большого развития в области материальной культуры и, надо полагать, общественных отношений. Как показали раскопки в Эриду, уже в убейдский период центрами поселений становятся монументальные храмы на высоких платформах³⁵. Возможно, что монументальные постройки были в то время и в Уруке³⁶. С этой поры отмечается интенсивное влияние убейдской культуры на север Месопотамии, где на основе этого влияния и частичного сохранения халафских традиций складывается северный вариант убейдской культуры, лучше всего представленный раскопками Гавры. Показательно более позднее (по сравнению с югом) распространение культуры Убейда в Северной Месопотамии. Так, раннеубейдский материал севера (Гавра XIX—XVIII) соответствует позднему на юге (Эриду VIII—VI)³⁷. Приводившиеся выше результаты радиоуглеродного анализа также показывают позднее распространение убейдской культуры на севере (Гавра XVIII—XVII — 3446 г. до н. э.) по сравнению с югом (низ Урука — 4015 г. до н. э.). Это обстоятельство, по-видимому, отражает факт постепенного проникновения убейдской культуры на север и ассимиляции ею северомесопотамского Халафа.

Как показывают археологические материалы, сфера воздействия убейдской культуры не ограничивается Северной Месопотамией. В Северной Сирии Р. Брейдвудом отмечено существование местного, — как он его пред-

³³ S. Lloyd, F. Safar. Eridu. «Sumer», III, 1947; «Sumer», IV, 1948; «Sumer», VI, 1950.

³⁴ Это, кстати, было отмечено уже первыми исследователями Убейда. См. R. Campbell-Thompson. The British Museum excavations at Abu Shahrein in Mesopotamia in 1918. «Archaeologia», LXX, London, 1920, стр. 118. На новых материалах этот вопрос наиболее обстоятельно рассмотрен Д. Мак-Кауном (см. D. McCown. Указ. соч., стр. 36—39). Сейчас в Сузиане открыты комплексы, более ранние, чем Сузы (L. Le Breton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXX, Paris, 1947). Один из этих комплексов обнаруживает близкие связи с ранним Убейдом Южной Месопотамии; см. L. Le Breton. The Early periods at Susa. «Iraq», XIX, part 2, стр. 88.

³⁵ Следует оговориться, что представление о носителях культуры Убейда как обитателях примитивных тростниковых хижин, широко распространенное в литературе вплоть до последнего времени (см., например, С. L. Woolley. Excavations at Ur. London, 1955, стр. 22), не соответствует действительности. Оно основано на результатах раскопок 1923—1924 гг. в Ал-Убейде, когда там в траншее размером 30×4 м были обнаружены остатки камышевой плетенки с глиняной обмазкой. Однако здесь же найден и сырцовый кирпич. Уже в древнейших слоях Эриду известны постройки из сырцового кирпича. Об этом же свидетельствует и материал убейдских слоев Урука-Варки. Постройки из тростника, возможно, особого назначения («Sumer», VI, 1950, стр. 30), существовали в пору Убейда наряду с прочными глинобитными домами, остатки которых, надо полагать, остались незамеченными в ал-убейдской траншее.

³⁶ A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 89.

³⁷ Там же, стр. 94—96.

лагает называть, — северо-западного варианта убейдской расписной керамики³⁸. Эта керамика известна и в Мерсине³⁹, и в Хама⁴⁰, а судя по последним данным, она достигает района Малатья и Турции⁴¹. Видимо, какой-то местный вариант (или местная культура, испытавшая сильное воздействие Убеида) выявлен и в Северо-Западном Иране, где соответствующие слои поселений к югу от озера Урмия датированы 3500 (\pm 160) г. до н. э.⁴²

В этой связи особенно показательно, что аналогии между южнотуркменистанскими и убейдскими материалами приходится на северный вариант убейдской культуры. Как уже отмечалось, между северным и южным вариантами наблюдаются существенные различия. Они отражаются во многих культурных явлениях и связаны в первую очередь с наличием в Северном Убеиде сильных традиций местной доубейдской (халафской) культуры. Мы видели, что терракотовые фигурки женщин Северного Убеида сохраняют старый, халафский облик. Далее, если в убейдских погребениях юга покойники обычно лежали в вытянутом положении на спине (некрополь Эриду, могилы Ур-Убеид II в Уре), то для севера характерны скорченные захоронения (убейдские могилы Гавры и Арпачии). Вытянутые захоронения Южной Месопотамии находят прямые параллели в погребальных обрядах Элама (Сузы А, Мусиян), тогда как в обряде скорченных захоронений Северного Убеида продолжают местные традиции халафского (Арпачия, Гавра) и хассунского (Хассуна, Самарра) периодов. Отметим, что в этом отношении Центральный Иран (Сиалк, Гисар) и Южный Туркменистан примыкают к этой северомесопотамской традиции, отличной от традиционных обрядов Элама и Южного Двуречья. Наконец, различия отмечаются даже в размерах сырцового кирпича: в Южном Двуречье он небольшой величины (Эриду — $28 \times 23 \times 6$ см, $23 \times 13 \times 6$ см, $27 \times 21 \times 6$ см; Урук — $27 \times 14 \times 7$ см, $24 \times 12 \times 7$ см), на севере же кирпич более массивный (Гавра — $36 \times 18 \times 9$ см, $48 \times 24 \times 10$ см, $56 \times 28 \times 14$ см), соответствуя в этом отношении сырцовому кирпичу Сиалка и Южного Туркменистана ($38 \times 24 \times 10$ см, $48 \times 24 \times 10$ см, $50 \times 25 \times 12$ см).

Все это свидетельствует об известной общности раннеземледельческих племен Южного Туркменистана, Северного Ирана и Северной Месопотамии. Видимо, не случайно в этих географических пределах наблюдается близость расписной керамики ранних периодов (Хассуна, Сиалк I и Анау I). Когда в первой половине IV тысячелетия до н. э. быстрый прогресс убейдской культуры Южного Двуречья привел к усилению ее воздействия на соседей, это влияние в первую очередь сказалось в Северной Месопотамии, а затем достигло Сиро-Киликии и Северо-Западного Ирана. В весьма ослабленной форме воздействие Северного Убеида коснулось племен Юго-Восточной Туркмении, где появляются круглые дома и своеобразная группа расписной керамики (ни то, ни другое, кстати, пока не отмечено в районе Анау — Намазга-депе). К сожалению, пока трудно с уверенностью судить, сопровождалось ли это влияние инфильтрацией в Геоксюрский оазис каких-либо иноплеменных групп. Вообще, с исторической точки зрения, причины широкого распространения убейдской культуры, носителей которой есть все основания считать, если не шумерами, то протошумера-

³⁸ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 511, 512.

³⁹ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, стр. 159—166.

⁴⁰ H. Ingholt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie. København, 1940, стр. 15.

⁴¹ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 511, № 85.

⁴² R. H. Dyson, T. C. Young. The Solduz Valley, Iran: Pisdeli Tepe. «Antiquity», 1960, N 133, стр. 19—26. Впервые культура этого типа открыта у озера Урмия еще до работ американской экспедиции (см. A. Stein. Old routes of Western Iran. London, 1940, табл. XXIII). Д. Мак-Каун отмечал, что материал А. Стейна близок традициям Гияна V, С или D (D. M. C. Cowen. Указ. соч., стр. 49).

ми,— пока не получили объяснения. Связано ли с распространением на север Месопотамии убейдской культуры проникновение протошумерских племен в местную (хурритскую) этническую среду, или нет,— этот вопрос требует специальных изысканий.

Вторая хронологическая группа «убейдских параллелей» связывает Южный Туркменистан с областями Южного Двуречья. Изучение расписной керамики, погребального обряда и антропологических материалов позволяет установить проникновение в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. в Южный Туркменистан каких-то племенных групп из района Сиалка — Гисара, вошедших в состав местного населения и вскоре им ассимилированных⁴³. В свою очередь эти племена,— во всяком случае, в районе Сиалка,— испытали сильное воздействие эламской культуры. Видимо, с появлением этих племенных групп следует связывать и наличие «убейдских традиций» (через эламское посредство?) в коропластике Южного Туркменистана. Эти поздние отзвуки далеких южных веяний достигли северо-восточной окраины раннеземледельческого массива Древнего Востока спустя несколько столетий после расцвета соответствующей культуры в Двуречье. Г. Чайлд с полным основанием отмечал, что поздние фазы северного варианта культуры Убеяда в хронологическом отношении соответствуют на юге уже следующему, урукскому периоду⁴⁴. «Убейдские традиции» в мелкой скульптуре Южного Туркменистана, отделенного от Месопотамии более чем двумя тысячами километров, проявляются,— если верны предлагаемые датировки, опирающиеся на сравнительно-археологический и радиоуглеродный анализ,— в то время, когда в Шумере урукский период уже сменяется периодом Джемдет-наср.

Изложенные выше материалы и соображения позволяют сформулировать два вывода:

1) культурные влияния в IV тысячелетии до н. э. шли из Двуречья в области Южного Туркменистана, с юго-запада на северо-восток, а отнюдь не в обратном направлении; 2) отмечается определенное «запаздывание» культурных явлений в областях, периферийных по отношению к Шумеру, становящемуся в IV тысячелетии до н. э. центром интенсивного развития культуры, хозяйства и общественных отношений.

Имеющийся материал свидетельствует о том, что более замедленный темп развития земледельческих общин северо-востока сказывался и в области производства. Так, в литературе хорошо известны убейдские серпы в виде изогнутой глиняной основы с кремневыми вкладышами. Между тем, в Геоксюрском оазисе в IV тысячелетии до н. э. были в употреблении серпы с прямой основой⁴⁵, т. е. архаические жатвенные ножи, характерные еще для Джейтуна, Сиака I и натуйфийского мезолита. В Месопотамии и Юго-Западном Иране уже в IV тысячелетии до н. э. были распространены двухъярусные горны для обжига посуды⁴⁶. В Геоксюрском же оазисе, даже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. существовали лишь примитивные керамические печи, где топка расположена рядом с обжигательной камерой⁴⁷. Медленное развитие производительных сил у раннеземледельческих общин Южного Туркменистана обуславливало архаизацию

⁴³ В. М. М а с с о н. Кара-депе у Артыка..., стр. 378—383.

⁴⁴ Г. Ч а й л д. Древнейший Восток..., стр. 189.

⁴⁵ Г. Ф. К о р о б к о в а. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита. ДТММ, Ашхабад, 1962.

⁴⁶ См. печи Тали-Бакуна (A. Langsdorff, D. McCown. Tall-i-Bakun A. Oriental Institute Publications, v. LIX, Chicago, 1942, стр. 6, 7) и Гавры XVI (A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 41, табл. XLII, a). Печь Гавры идентична тали-бакунскому горну, но, кроме того, у нее сохранился под обжигательной камерой с отверстиями для тока горячего воздуха.

⁴⁷ Одна такая печь раскопана на поселении Геоксюр 1, другая — на Акча-депе (Геоксюр 2). См. В. И. С а р и а н и д и. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса...

культуры и, как есть основания полагать⁴⁸, общественных отношений. Неравномерность исторического развития на Древнем Востоке выступает в данном случае особенно ярко и определенно.

Приложение

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. М. МАССОНА

В обсуждении доклада приняли участие В. И. Сариниди, Т. С. Пассек и С. В. Киселев.

В. И. Сариниди отметил большие достижения в области изучения культуры крашеной керамики в Южной Туркмении. Он подчеркнул, что Джейтун — это единственный ранний памятник, раскопанный такой большой площадью. Остановившись на вопросе о домостроительстве, В. И. Сариниди указал, что традиция однокомнатного дома с пристройками прослеживается на следующем хронологическом этапе — время Анау I, на памятниках Геоксюрского оазиса — Дашлыджи-депе, Ялангач-депе. Коснувшись вопроса о круглых помещениях, В. И. Сариниди счел возможным различать культовую и гражданскую архитектуру на поселениях.

Т. С. Пассек в своем выступлении подчеркнула важность выяснения общей планировки Джейтуна. Прямоугольные дома — жилища парных семей — известны в ранних слоях Каранова. Т. С. Пассек указала, что в Фес-салии есть круглые дома из камня, поэтому вряд ли обязательно связывать круглые дома с землянками и видеть в этом ранний этап домостроительства.

С. В. Киселев говорил о замечательных результатах экспедиции, руководимой В. М. Массоном, о большом значении и важности проделанной работы. Он отметил, что проблемы расписной керамики еще долго будут стоять в центре внимания. Целый ряд элементов росписи находит широкие аналогии в отдельных областях. Рассеченный крест может быть и не связанным с мотивом креста вообще. Изучение всех элементов орнамента в пределах строго исторической реальности и датировочных рамок еще только начинается, и, конечно, В. М. Массон посвятит этому вопросу специальное исследование. Очень интересны связи в ранней росписи по линии Халаф — Самарра — Сиалк — Джейтун.

С. В. Киселев остановился также на тезисе докладчика об отставании южнотуркменских культур с начала появления ирригационного земледелия. Тезис этот верен в том отношении, что применение искусственного орошения в земледелии дает своего рода импульс для развития новых социальных отношений, вплоть до государственности. Для каждого района характерны свои, исторически сложившиеся экономические условия развития, возникающие благодаря возможности применения металлургии, разведения домашних животных, культивации растений и пр. Районы, в которых нет этого комплекса во всей полноте, неизбежно отстают. Дальнейшее развитие культур крашеной керамики показывает, что часть местного населения с его традициями существовала здесь длительное время — отголоски традиции расписной керамики в Шурабашате.

Касаюсь вопроса о глиняных статуэтках, С. В. Киселев подчеркнул важность выяснения местных специфических черт, их хронологической эволюции; при этом он отметил, что вряд ли можно говорить об их портретности (в смысле выражения этнического типа).

В. И. Марковин

⁴⁸ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе. (К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен). СА, 1962, № 2.